

RU

«Мое путешествие, или Приключения одного дня» Николая Брусилова: традиция и пародия в прозе «массового сентиментализма»

Кублицкая О. В.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности использования элементов эстетической системы сентиментализма в тексте «Мое путешествие, или Приключения одного дня» представителя «массового сентиментализма» Н. П. Брусилова. Цель исследования заключалась в определении алгоритма использования элементов эстетической системы сентиментализма. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые выделены конкретные процедуры работы с традицией сентиментализма в «Моем путешествии...». В результате мы пришли к заключению, что автором переосмыслены следующие элементы эстетической системы: паратекстовые (эпиграф, предисловие), жанровые (синтез различных форм, композиционная структура, хронотоп), содержательные (оппозиция «чувство - логика», имплементация философских рассуждений).

EN

Nikolai Brusilov's "My Journey, or One-Day Adventures": Tradition and Parody in "Mass Sentimentalism" Prose

Kublitskaya O. V.

Abstract. The article considers the peculiarities of using the elements of the sentimentalism aesthetic system in the text of the "mass sentimentalism" representative N. P. Brusilov's "My Journey, or One-Day Adventures". The paper aims to identify the algorithm of using the elements of the sentimentalism aesthetic system. The scientific originality of the research lies in the fact that it reveals specific procedures of work with the tradition of sentimentalism in "My Journey...". As a result, the author has concluded that the writer rethinks the following elements of the aesthetic system: paratextual (epigraph, preface), genre (synthesis of different forms, compositional structure, chronotope), content (opposition "feeling - logic", implementation of philosophical reflection).

Введение

В статье проанализирован текст «Мое путешествие, или Приключения одного дня» Н. П. Брусилова в контексте традиции прозы русского сентиментализма. Актуальность работы обусловлена восполнением исследовательских лагун, связанных с осмыслением творчества писателей-сентименталистов «второй волны» («массовый сентиментализм»).

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач: 1) определить место творчества писателей «массового сентиментализма» в исследовательской парадигме; 2) охарактеризовать общие особенности прозы «массового сентиментализма» в контексте традиции сентиментализма; 3) проанализировать особенности поэтики текста «Мое путешествие, или Приключения одного дня» и определить особенности рецепции автором традиции сентиментализма.

В работе использовались сравнительно-исторический, историко-типологический и метод целостного анализа художественного произведения.

Теоретической базой исследования послужили работы в области теории пародии (Ю. Н. Тынянов, О. М. Фрейдберг, А. А. Морозов, S. Dentith, L. Hutcheon и др.); традиции и канона (А. Ф. Лосев, Ю. В. Стенник, Б. М. Бернштейн, Ю. М. Лотман, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая и др.); теории сентиментализма (Г. Н. Поспелов, Н. Д. Кочеткова, П. А. Орлов, Г. А. Гуковский, А. Л. Зорин, В. И. Каминский и др.), поэтики прозы Н. М. Карамзина (В. В. Сиповский, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман, Н. Д. Кочеткова, А. А. Бешкарёв, Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский, Т. А. Алпатова, Л. А. Сапченко, Н. А. Сорникова, О. Ю. Осьмухина, И. М. Святошенко, G. Hammarberg и др.), поэтики прозы писателей-сентименталистов «второй волны» («массового сентиментализма») (Т. Роботи, Н. Н. Петрунина, В. В. Пухов, А. Шенле, А. Ю. Соловьев, О. А. Фарафонова, Ю. Акутин, Т. Г. Комарда и др.)

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении представлений о рецепции традиции сентиментализма представителями «массового сентиментализма», практическая – в возможности использования его результатов в изучении истории русской литературы рубежа XVIII-XIX веков.

Основная часть

Проза «массового сентиментализма» и проблема традиции

Проза русского сентиментализма, в частности, литература путешествий, является объектом пристального интереса исследователей (Алпатова, 2012; Кочеткова, 1980; 1994; Орлов, 1977; Роболи, 1926; Стенник, 1969). Наиболее подробно осмыслено творческое наследие Н. М. Карамзина, в том числе «Письма русского путешественника» (1791-1792), ставшие ориентиром для многочисленных последователей и подражателей, – тех, кого называют писателями «второго плана», «второй волны» или представителями «массового сентиментализма» (В. В. Измайлов, П. И. Сумароков, П. И. Шаликов, Н. И. Брусилов и др.).

Т. Роболи (1926) отмечает, что проза конца XVIII – начала XIX века «находилась в состоянии ребенка, чьи первые беллетристические опыты состоят, обыкновенно, из пересказов прочитанного, описаний и писем» (с. 43). П. А. Орлов (1977), поместивший раздел о сентиментальном путешествии в параграф «Кризис русского сентиментализма» и рассматривавший сентиментализм как часть Просвещения, пишет о том, что «главные признаки деградации этого жанра выражаются в постепенной утрате им просветительского пафоса, вплоть до полного его исчезновения» (с. 255).

Сложность анализа путешествий «второй волны» объясняется не только их маргинальным положением, но и неоднозначным отношением к традиции сентиментализма как таковой (и проблемой формирования этой традиции). Ю. В. Стенник (1969) подчеркивает, что «явления литературы получают возможность переходить в область культурных традиций лишь с того момента, когда обнаруживается исчерпанность позитивных возможностей художественного метода, породившего эти явления» (с. 91). В случае с русским сентиментализмом мы имеем три ориентира: «Сентиментальное путешествие...» (1768) Л. Стерна, «Письма из Италии» (1785) Ж. Дюпати в контексте общеевропейского литературного процесса и собственно «Письма русского путешественника...» Н. М. Карамзина – в рамках отечественного. Об этом пишет Т. Роболи (1926), указывая, что «дифференцировались два основных типа: один собственно – Стерновский, где настоящего описания путешествия, в сущности, нет; и другой – типа Дюпати, представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (с. 48). Очень быстро, буквально в течение десяти лет, «Письма...» Карамзина становятся образцом для подражаний – «в первой четверти XIX в. появляется значительное число эпигонов сентиментализма – писателей малоодаренных, а иногда даже бездарных, усвоивших определенные каноны и стилистические штампы... Авторами таких пародий и сатир нередко оказывались и сами сентименталисты – те из них, которые, подобно Стерну, были особенно склонны к иронии и на-смешке над чрезмерной чувствительностью» (Кочеткова, 1980, с. 746). Таким образом, вопрос о традиции и уж тем более каноне невозможно снять окончательно; как и «Сентиментальное путешествие...» Стерна, так и «Письма...» Карамзина исследователи часто рассматривают как пародийные. А. А. Морозов (1960) подчеркивает, что «необходимым условием для возникновения всякой пародийности является наличие «второго плана». Эффект пародирования заключается в мысленном, но отчетливо ощущаемом сопоставлении с пародируемым» (с. 50). Так возникает информационный парадокс, который, как пишет Т. А. Алпатова (2012), связан с тем, что «иронико-юмористическое начало в творчестве Карамзина присутствовало сразу, как важная составная часть сентименталистской поэтики, расширявшая ее возможности в построении художественного повествования, направленного на возбуждение читательского сочувствия» (с. 9). В свою очередь, Ю. М. Лотман (2006) отмечает, что «“Письма” не были “картиной души”, изображенные в них сцены отнюдь не являлись аллегорической персонификацией внутреннего мира автора: речь шла о реальных, вне писателя находящихся и от него не зависимых явлениях, событиях и лицах» (с. 753).

Таким образом, возникает второй вопрос, а что тогда могли воспринимать как традицию и канон и пародировать представители «массового сентиментализма»? Традиция документального путевого письма уже отринута, а антагонистический «чувствительный» путь оказался чрезмерным даже для тех, с кем его непосредственно ассоциируют. Очевидно, что и вопрос об «ориентирах» является неоднозначным, а некоторые писатели, формально выступающие как сентименталисты, практикой письма разрушают не только традицию документального познавательного путешествия, но и непрочную традицию путешествия «чувствительного». Т. Роболи (1926) пишет, что «П. Макаров в “Письмах из Лондона” почти дословно повторяет Карамзина, говоря о кирпичных домах, тротуарах и английских женщинах. Очевидно дело не в том, что об этом уже сказано, – важен процесс рассказывания» (с. 45). Ю. Акутин (1979) и В. А. Кошелев (1985) прямо называют «Мое путешествие...» Брусилова пародией.

Осмыслим последнее суждение более детально, но прежде зафиксируем типологические особенности «массового сентиментализма». М. В. Иванов (1976) выделяет следующие: примитивизация или трансформация идей «классического сентиментализма»; архаизированная художественная система (подражательность и цитирование, в том числе типизированный хронотоп, обусловленный жанром); рассмотрение общеполитических

и эстетических вопросов на обыденном жизненном материале. А. А. Бешкарев (2003), развивая это положение, отмечает, что «лежащая на поверхности “незатейливость” стиля... привлекла к литературному творчеству многочисленных подражателей Карамзина, составивших ряды так называемого “массового сентиментализма”, вскоре вызвавшего волну нападков и пародий со стороны авторов других литературных направлений и различных школ внутри самого сентиментализма» (с. 3). Теперь обратимся непосредственно к анализу текста.

«Мое путешествие...» Н. П. Брусилова: от рецепции к пародии

Николай Петрович Брусилов (1782-1849) – писатель, участник журналов «Вестник Европы» и «Журнал российской словесности», вологодский генерал-губернатор. Автор сентиментальных повестей («Старец, или Превратность судьбы», «Бедный Леандр, или Автор без риторики» (обе 1803 года), «Легковерие и хитрость» (1806)), ряда критико-публицистических и обзорно-статистических трудов («Опыт описания Вологодской губернии» (1833)) и сочинения «Моё путешествие, или Приключение одного дня» (1803).

Предварительно охарактеризуем некоторые общие особенности «Моего путешествия...». Текст открывается эпиграфом, представляющим собой фрагмент самого путешествия; автор с первой строчки пародирует принципы русского сентиментального путешествия, стремящегося встроиться в имеющуюся традицию. «Одни только мирныя, сердечныя удовольствія, дѣлаютъ для насъ жизньъ пріятною!» (Брусилов, 1803, с. 1). Ни Стерн, ни Дюпати, ни Карамзин, а сам Брусилов становится источником паратекста. Вместе с тем традиция *наличия* (здесь и далее курсив автора статьи. – О. К.) эпиграфа соблюдается.

«Моё путешествие...» состоит из 20 глав, которые называются по-разному; в основу, судя по всему, положен стерновский принцип обобщенной номинации предметов и локаций («Камин», «Диван», «Театр», «Бульвар», «Башня»); ситуаций («Странное приключение», «Обед», «Нечаянное занятие», «Кофе»); лиц и персонажей («Бедная женщина», «Турок»); абстракций («Обширность человеческих познаний», «Отступление от материи»). Таким образом, *традиционная структура* путешествия выдержана, как и принцип обобщенной номинации.

В жанровом отношении текст сочетает признаки дневника и очерка. Элемент «дневничности» связан с непосредственностью отражения в тексте описываемых событий; свободная форма повествования позволяет говорить об очерке. Композиционным стержнем текста выступает маршрут: дом автора → дом черноволосой девицы → ресторан → башмачник → бульвар → башня → дом автора. Наррация перволичная; в текст включена речь вторичных нарраторов. Формально это корреспондирует с *традиционной структурой* текста путешествия.

Примитивизация и трансформация идей «классического сентиментализма» осуществляется следующим образом. Как известно, ключевые принципы сентиментализма следующие: культ чувствительности, опора на философию сенсуализма (концепт чувственного восприятия реальности, предложенный Дж. Локком и разработанный А. Э. К. Шефстберри); понятие естественного (в том числе в декларирование естественного природного равенства людей и естественной добродетели); ориентация на повседневные впечатления и частную жизнь (Иванов, 2001, стб. 962-964).

Брусилов (1803) вступает в традицию и сразу же порывает с ней, отмечая, что «вѣкъ нашъ будетъ прозванъ вѣкомъ путешествій по комнатѣ» (с. 2). Путешествие по комнате – возможная отсылка к сочинению Ксавье де Местра «Путешествие вокруг моей комнаты» (1794) и одновременно *игра с традиционными жанровыми признаками путешествия* как такового; даже предисловие у него оказывается спрятанным, о чем он прямо пишет в конце первой главы: «Читатель! Я хотѣлъ симъ строкамъ дать названіе *Предисловія*; но зная, что ихъ никто не читаетъ, рѣшился сказать въ концѣ, что ты теперь читалъ – *Предисловіе!*» (Брусилов, 1803, с. 16).

Свою интенцию Брусилов выражает и в следующей формуле: «...я не буду слѣпо подражать... и проложу новый путь, не для того, чтоб онъ былъ лучше – отнюдь нѣтъ! Но для того, чтобы въ вѣкъ прославленномъ открытіями, изобрести что-нибудь, похожее на новое» (Брусилов, 1803, с. 5). Что-нибудь, похожее на сентиментализм, – видимо, так можно охарактеризовать анализируемый текст.

Брусилов руководствуется не чувствами, а логикой: «Авторъ нашего покрову, есть ли найдеть двухъ, трехъ читателей, которые простятъ погрешностямъ, извинятъ слабостямъ и отдадутъ справедливость некоторымъ мыслямъ!» (Брусилов, 1803, с. 14). Погрешность относится к области логики, слабости представляют собой естественное состояние человека, мысли, а не чувства, предлагаются к оценке.

Показательно и то, что автор *не описывает природу* в ее традиционном для сентименталистов смысле; действие разворачивается в пространстве города, пейзажные описания как самостоятельные композиционные элементы фактически отсутствуют. Вместе с тем Брусилов сравнивает себя не с рядовым обывателем, а хочет быть «Камиллом, Кесаремъ и Сципиономъ» (Брусилов, 1803, с. 35).

Автор насыщает текст повседневными подробностями, но *не придает им значения*, иронично снижает их важность: «...читателю никакой нетъ нужды знать, что такого-то числа шель за двѣ тысячи верстъ отъ него, сильной дождь, что путешественникъ измокъ, что, взѣзжая на такую-то гору стали у него лошади» (Брусилов, 1803, с. 41). Безусловно, здесь выражено и отношение к самой практике письма.

Архаизированная художественная система (подражательность и цитирование, типизированный хронотоп, обусловленный жанром) – все эти признаки также обнаруживаются в тексте. Брусилов осознает рамки, заданные традицией, и намеренно обращает на них внимание читателя. Вместе с тем текст по понятным причинам не лишён признаков архаизированной художественной системы; подражательность проявляется на уровне жанра (синтез элементов очерка и дневника); стиля (архаизированный язык, клише); субъектной

структуры (молодой автор, черноволосая девица, чудаки в трактире, мудрый собеседник); нарративной структуры (любовное приключение, авантюра, посещение театра).

Хронотоп путешествия *нетипичен*: действие разворачивается в течение одного дня в замкнутом пространстве города. В этом может проявляться стремление автора противопоставить себя традиции: «Я оставил каминь – взялъ посохъ – и пустился странствовать» (Брусилов, 1803, с. 17). Происходит будто бы двойной разрыв с традицией: с одной стороны, в тексте нет ничего строго документального, имеющего познавательное значение, с другой – ничего «чувствительного», условно-идиллического.

Наконец, осуществляется и рассмотрение общефилософских и эстетических вопросов на обыденном жизненном материале. Элементы обывательской философии вплетены в ткань текста. Автор рассуждает на различные темы, в частности, отмечает, что тот, «кто нынѣ сияеть во всем величестве завтра исчезнет» (Брусилов, 1803, с. 8) и цитирует Вольтера, например, его мысль о том, что «щастіе есть химера» (Брусилов, 1803, с. 78). Вместе с тем Брусилов иронично отмечает, что развернутые философские пассажи не имеют смысла: «Естьли бы я хотѣлъ показать великое мое познаніе во всѣхъ частяхъ, то не упустилъ бы сего случая и распространился здѣсь о задумчивости, показаль бы различныя ея степени, изчислилъ каждой особенныя свойства, показаль ея признаки, прибавилъ бы къ этому словъ пять, шесть из какого нибудь Арабскаго Писателя котораго бы ни я, ни читатели нѣ разумѣли, словомъ могъ бы написать ученую Медико-Физико-Политическую диссертацию о задумчивости, но!» (Брусилов, 1803, с. 129). В этом фрагменте он выделяет ключевые признаки традиции, которую сам же и подвергает переосмыслению, будь то умствование, отвлеченность, сверхцитатность.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что вопрос о традиции сентиментализма не имеет однозначного решения: с одной стороны, мы можем говорить об определенных ориентирах для всего направления, к которым относится, в частности, «Сентиментальное путешествие...» Л. Стерна, «Письма из Италии» Ж. Дюпати и «Письма русского путешественника...» Н. М. Карамзина, однако в них самих заложен потенциал самопародии, а следовательно, внутреннего разрушения традиции. В этом контексте творчество писателей «массового сентиментализма» оказывается неизбежно связанным с пародией – и опосредованным ею. С этой точки зрения «Моё путешествие...» Н. П. Брусилова являет собой пример открытого диалога с традицией в отличие от свойственной условному «классическому» сентиментализму опоры на чувственное восприятие реальности, где акцент сделан на ее логическое постижение; жанровая форма путешествия оказывается формальностью (действие разворачивается в течение суток в замкнутом городском пространстве); отсутствуют развернутые природоописания и философские рассуждения. Автор эксплицитно выражает ироничную оценку.

В связи с вышеизложенным можно заключить, что выявленный алгоритм использования Н. П. Брусиловым элементов эстетической системы сентиментализма может быть соотнесен с иными образцами прозы «массового сентиментализма», что составляет перспективу исследования.

Источники | References

1. Акутин Ю. Метаморфозы Николая Брусилова // Альманах библиофила. 1979. Вып. 6.
2. Алпатов Т. А. Диалог Н. М. Карамзина с литературной традицией Л. Стерна на страницах «Писем русского путешественника» (приемы художественного конструирования «стернианского сюжета») // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Litteraria Rossica. 2012. № 5.
3. Бешкарев А. А. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина: проблемы поэтики: дисс. ... к. филол. н. Сыктывкар, 2003.
4. Брусилов Н. П. Мое путешествие, или Приключения одного дня. СПб.: Императорская типография, 1803.
5. Иванов Д. А. Сентиментализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001.
6. Иванов М. В. Карамзин и проблемы русской сентиментальной прозы 1790-1800-х гг.: автореф. дисс. ... к. филол. н. Л., 1976.
7. Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994.
8. Кочеткова Н. Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4-х т. / гл. ред. Н. И. Пруцков Л.: Наука, 1980. Т. 1.
9. Кошелев В. А. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985.
10. Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина // Карамзин: pro et contra / сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб.: РХГА, 2006.
11. Морозов А. А. Пародия как литературный жанр // Русская литература. 1960. № 1.
12. Орлов П. А. Русский сентиментализм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977.
13. Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза: сборник статей / под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926.
14. Стенник Ю. В. Преемственность традиций и литературный процесс: русская литература на рубеже XVIII-XIX вв. // Русская литература. 1969. № 4.

Информация об авторах | Author information

RU

Кублицкая Ольга Викторовна¹, к. филол. н., доц.

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

EN

Kublitskaya Ol'ga Viktorovna¹, PhD

¹ Pushkin Leningrad State University

¹ elkala@inbox.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.02.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): Н. П. Брусилов; массовый сентиментализм; традиция; пародия; N. P. Brusilov; mass sentimentalism; tradition; parody.